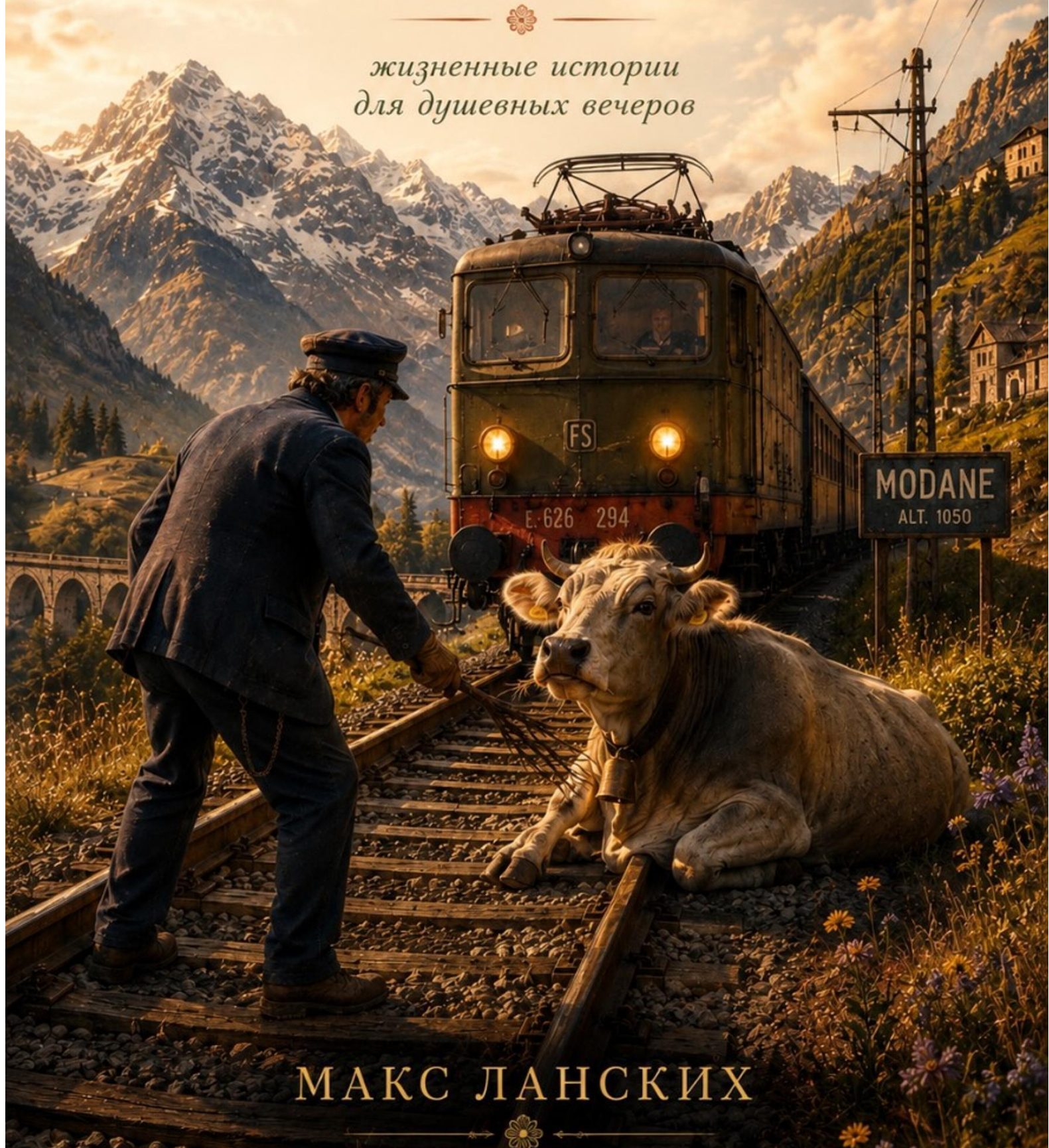

ИТАЛЬЯНСКИЕ РАССКАЗЫ

*жизненные истории
для душевных вечеров*

МАКС ЛАНСКИХ

Макс Ланских

Итальянские рассказы

«Автор»

2026

Ланских М.

Итальянские рассказы / М. Ланских — «Автор», 2026

— Нонно, я всё думаю... Вокруг так много красивых мест. Почему, выйдя на пенсию, ты уехал из Генуи и выбрал именно Амальфи? Марко усмехнулся, лениво помешивая густой эспрессо. — А ты знаешь историю этого места, дорогая? Думаешь, это просто открытка для туристов с лимонными деревьями? Джулия пожала плечами, и старик, откинувшись на спинку стула, кивнул в сторону моря: — В девятом веке этот крошечный городок был первой Морской Республикой Италии. Он правил Средиземноморьем задолго до того, как поднялись Генуя и Венеция... Это не просто книга — это серия рассказов о людях, которые всю жизнь честно делали своё дело. С ней у читателя появится ощущение, будто он не просто читает историю, а сидит за столиком маленького кафе где-нибудь на побережье, и слушает рассказ человека. Такие книги читают понемногу — по одному рассказу вечером, когда можно никуда не торопиться, слушать тишину и смаковать каждое слово — точно так же, как сеньор Марко Белладжо и Джулия смаковали свой лимончелло.

© Ланских М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Амальфитанская кислинка	5
Между двумя нотами	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Итальянские рассказы

Амальфитанская кислинка

Солнце медленно опускалось за горизонт. Последние лучи скользили по скалам Амальфитанского побережья, оставляя на камне тёплый золотистый отсвет. Синьор Марко Белладжо сидел на террасе уютного кафе, задумчиво помешивая ложечкой остывающий эспрессо. С моря тянуло прохладой, а из кухни доносился запах свежей выпечки и базилика.

Сегодня он ждал особенную гостью. После долгих месяцев обещаний к нему наконец приехала внучка Джулия из Милана. Он то и дело поглядывал на узкую улочку, ведущую к площади.

Вскоре среди прохожих мелькнула знакомая фигура. Джулия заметила деда издали и помахала рукой. Сеньор Марко поднялся ей навстречу.

— Наконец-то, — сказал он, крепко обнимая внучку. — Думал, Милан тебя уже не отпустит.

— Еле вырвалась, — рассмеялась Джулия. — Но оно того стоило.

Они сели за столик. Официант почти сразу поставил перед девушкой стакан воды и кусочек лимонного пирога, который Марко заказал заранее — он помнил, что в детстве она его обожала.

Джулия огляделась вокруг, вдохнула солёный морской воздух:

— Нонно, такое чувство, будто здесь никто не следит за временем.

Марко улыбнулся. Потом перевёл взгляд на море и тихо произнёс:

— Потому что его здесь не догоняют. Люди здесь просто живут. *Il dolce far niente*.

За соседним столиком пожилой рыбак горячо спорил с официантом о вчерашнем футбольном матче, размахивая руками так, словно от его доводов зависел исход игры. Где-то внизу пронзительно взвизгнул мотор — по узкой улице промчалась красная «Веспа». Кафе постепенно наполнялось вечерними голосами, звоном посуды и смехом. День неторопливо уступал место вечеру, и Марко вдруг подумал, что некоторые вещи не меняются, сколько бы лет ни прошло.

В свои шестьдесят восемь Марко Белладжо сохранил привычку просыпаться в четыре утра, когда даже портовые чайки ещё спали.

Он не тосковал по морю — просто слишком хорошо его помнил. Его капитанский мостик давно сменился тихой пенсией в Амальфи, но взгляд остался прежним: цепким и оценивающим.

Солнце почти ушло за горизонт. Внизу у причала лениво покачивались лодки. Джулия оторвалась от телефона, обвела взглядом зажатые между скал разноцветные домики и спросила:

— Нонно, я всё думаю... Вокруг так много красивых мест. Почему, выйдя на пенсию, ты уехал из Генуи и выбрал именно Амальфи?

Марко усмехнулся, лениво помешивая свой эспрессо.

— А ты знаешь историю этого места, дорогая? Думаешь, это просто открытка для туристов с лимонными деревьями?

Джулия пожала плечами, и старик, откинувшись на спинку стула, кивнул в сторону моря:

— В девятом веке этот крошечный городок был первой Морской Республикой Италии. Он правил Средиземноморьем задолго до того, как поднялись Генуя и Венеция. А знаешь ли ты, что местные купцы держали в руках всю торговлю между Западом и Востоком?

Джулия отрицательно покачала головой.

— То-то же! Именно здесь, в Амальфи, создали первый в мире морской кодекс — свод законов, по которому веками жил весь мировой флот. Здесь люди знали толк в навигации. И бумагу, кстати, делать вручную они тоже научились первыми в Европе, подсмотрев секрет у арабов. Кстати, Ватикан до сих пор покупает её в местном музее для своих важных документов.

Он сделал глоток кофе и продолжил, обведя рукой крутые скалы:

— Посмотри на эти дома, они ведь буквально наползают друг на друга в ущелье. В двенадцатом веке республику захватили норманны, а в четырнадцатом — страшный шторм и наводнение разрушили порт и навсегда смыли величие Амальфи в океан, превратив супердержаву в рыбацкую провинцию. Но море оставило здесь свой характер. Мне, как старому капитану, приятно жить там, где каждый камень помнит запах больших торговых судов и солёной пены.

Джулия завороченно посмотрела на Кафедральный собор Святого Андрея, чья мозаика сверкала в лучах уходящего солнца над главной площадью. Слова деда изменили этот пейзаж — в нём появился масштаб.

— Потрясающе, — тихо сказала она, откладывая телефон экраном вниз. — Наводнение уничтожило целую империю... Нонно, а Расскажи о шторме. Ну, настоящем, из твоей жизни. О таком, когда тебе действительно было страшно.

Марко перевёл взгляд на горизонт. Его пальцы медленно повернули чашку.

— Мне тогда было двадцать шесть, может чуть больше, — тихо начал он. — Я работал вторым помощником на старом сухогрузе «Аквилония». Мы везли тридцать тысяч тонн марокканских фосфатов из Касабланки. Насыпной груз — это живой организм, Джулия. Если он намокнет или сместится в трюме, судно ляжет на борт за минуты. Мы были в Атлантике, когда нас догнал мощный циклон. Синоптики ошиблись на двенадцать часов и, к нашему несчастью, всё началось мгновенно. Небо упало в воду, стало свинцовым, а волны выросли до высоты пятиэтажного дома.

Марко сжал кулак и легонько ударил по столу.

— Волны били в нос с такой бешеной силой, что вся «Аквилония» содрогалась от киля до клотика. Это был стон перегруженного металла. Судно скрипело, вибрировало, и каждый раз, когда корма взлетала вверх, оголяя винты, корпус колотило мелкой дрожью. Вторым помощником ты уже понимаешь физику процесса. Стоишь на мостике, смотришь на прогиб палубы и думаешь: «Вот сейчас. Ещё один удар, и сталь не выдержит. Корпус просто лопнет пополам посередине».

— И что вы делали? — Джулия слушала, не мигая.

— Страх как такового не было, был животный расчёт. Капитан держал судно носом к волне, на самом малом ходу, чтобы сохранять управляемость. Два часа, представь! Ровно сто двадцать минут стихия перемалывала нас. Руки на штурвале у матроса побелели от напряжения. И вдруг... всё кончилось. Будто кто-то повернул выключатель. Ветер стих за пару минут. Тучи разошлись, выкатился абсолютно равнодушный, чистый солнечный свет. Кругом ни пены — только гигантская, тяжёлая океанская зыбь. Огромные холмы воды, на которых наш избитый сухогруз качался, как щепка. Мы вышли на крыло мостика, покрытое коркой соли. Капитан молча достал сигарету, но у него так тряслись пальцы, что он не смог её зажечь. Тогда я понял: море не злое и не доброе. Ему просто всё равно. После таких двух часов в двадцать шесть лет, внучка, в сорок ты с лёгкостью соглашаешься на тихий офис в Генуе.

Марко мягко улыбнулся и пододвинул к Джулии вазочку с миндальным печеньем.

— Ну вот. Раз я поделился с тобой своей историей, теперь твоя очередь порадовать старика. Расскажи, Джулия. Какие штормы сейчас бушуют в твоём Милане? Из-за чего там бьются сердца и седеют к тридцати годам?

Джулия громко усмехнулась. На её телефон беззвучно падали уведомления, но здесь, в Амальфи, этот хаос вдруг потерял свою былую силу.

— У нас нет океана, нонно. Но у нас есть дедлайны. Месяц назад наше агентство запустило международную кампанию для одного модного бренда. Контракт на миллионы евро. Я была ведущим продюсером. Полгода работы, съёмки по всему миру, всё просчитано до секунды. И за три часа до мирового релиза всё рухнуло. Наш главный сервер в Германии атаковал вирус-вымогатель. Представляешь! Вся база данных, готовые ролики, код сайта — всё заблокировалось. Экран стал чёрным, и на нём горел таймер: три часа до уничтожения данных. Клиенты из Токио уже просыпались, телефон разрывался, и мне казалось, что вся моя карьера сейчас просто полетит к чертям посреди этого стеклянного миланского офиса.

— И что ты предприняла, капитан Джулия? — серьёзно спросил он.

Джулия сделала глоток воды, её взгляд потеплел от воспоминаний.

— Меня спас Джузеппе. Помнишь моего друга, взъерошенного айтишника, который вечно спорит с тобой о политике? Так вот, за неделю до релиза мы как-то встретились в кафе, и он в своей занудной манере выдал: «Джулс, облачные сервера — это здорово, но настоящие параноики хранят данные в железе. Сделай физический бэкап». Я тогда только посмеялась, но под его брюзжание всё же скинула рабочую копию сайта и все фотоматериалы на старый жёсткий диск.

Она улыбнулась, вспоминая охватившую её панику.

— И вот посреди этого хаоса в офисе я вспоминаю про этот диск. До релиза два с половиной часа. Я бросаю всё, прыгаю в такси и мчусь на другой конец Милана, в свою квартиру. Влетаю в комнату, переворачиваю всё вверх дном. Ты бы видел этот шторм, нонно! Я буквально закопалась в коробках со старыми флешками, какими-то перепутанными проводами и зарядками. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон постоянно вибрировал от непрерывных звонков... И вдруг на самом дне комода я нащупываю этот чёртов металлический прямоугольник. Нашла!

Марко сочувственно кивнул, его пальцы на мгновение сжались, словно перехватывая штурвал.

— Я лечу обратно в офис, — продолжала Джулия, и в её голосе зазвучали победные нотки. — Врываюсь в серверную, протягиваю диск парням. Они вручную изолировали заражённую сеть, подключили чистый резервный сервер и начали заливать копию. Это были самые долгие два часа в моей жизни. Мы просто сидели на полу и смотрели на ползущую полосу загрузки. Ровно за десять минут до того, как японцы должны были нажать кнопку «Старт», сайт ожил. Мы не победили вирус, но мы развернули точную, чистую копию в обход хакеров. Клиенты даже ничего не заметили.

Старик откинулся на спинку стула. На его губах играла гордая улыбка.

— Ну вот, — негромко произнёс он. — А ты говорила, что у вас нет океана. Тот же шторм, Джулия. Тот же самый страх, что всё разломится пополам, и та же зыбь после спасения. Но ты удержала своё судно.

Неожиданно их беседу нарушил шорох шагов. К столику подошёл молодой официант, неся на небольшом подносе запотевший караф и два маленьких, покрытых инеем стаканчика.

— Синьор Белладжо, синьорина. Комплимент от заведения. Наш домашний лимончелло из амальфитанских лимонов.

Марко и Джулия переглянулись. В этом быстром взгляде было абсолютное понимание «двух капитанов».

— А давай, — старик тепло улыбнулся. — Отметим наши старые победы, Джулия. И то, что наши суда всё ещё на плаву.

Они пили медленно, крошечными глотками. Напиток был ледяным, но стоило ему коснуться губ, как по телу разлилась плотная сладость, а следом пришла резкая, концентрированная лимонная кислинка. Она мгновенно связала рот, заставив скулы приятно онеметь от свежести.

Марко зажмурился на секунду, а затем с удовольствием сглотнул.

— Знаешь, внучка, а ведь жизнь чертовски похожа на этот лимончелло. Она ведь тоже сначала кажется невыносимо сладкой, когда ты молод. Потом она бьёт тебя, горчит, сводит скулы от страха и напряжения — прямо как этот лимонный сок. Тебе кажется, что ты не сглотнёшь эту горечь. Но ты делаешь усилие, справляешься... и внутри тебя вдруг разливается чистое, мягкое тепло. И ты понимаешь, что без этой кислинки вкус был бы слишком приторным и скучным.

Джулия улыбнулась, чувствуя, как внутри неё окончательно растворяется миланская тревога. На побережье Амальфи мягко опускалась южная итальянская ночь.

Между двумя нотами

Синьор Стефано вошёл в зал театра «Валле» через боковую дверь, неся в руке потёртый кожаный саквояж с ключами и камертонами. В театре пахло сыростью, вековой пылью и увядшими розами. На сцене, залитой бледным утренним светом, стоял огромный чёрный рояль «Стейнвей». За ним сидела девушка по имени Франческа.

Её пальцы летали по клавишам со скоростью испуганных птиц. Труднейший этюд Листа звучал безупречно. Каждая нота была на своём месте.

Стефано остановился в тени кулис. Он слушал эту безукоризненную геометрию звука, но его сердце оставалось спокойным. Слишком спокойным. Когда Франческа взяла финальный аккорд, эхо растаяло в пустых ложах. Она обернулась и заметила настройщика.

— Вы пришли настроить инструмент? — спросила она, вытирая руки платком. — Помоему, он в порядке.

Стефано подошёл ближе, положил ладонь на прохладную лакированную крышку рояля и долго молчал, глядя на клавиши, словно читал на них невидимый текст.

— У вас идеально настроены пальцы, дитя, но... — он запнулся.

Франческа удивлённо приподняла брови.

— А что не так?

— Душа ещё не настроилась.

Девушка резко встала, задев подол платья.

— Мой профессор в Милане говорит, что техника — это фундамент. Без неё музыка рассыпается.

— Ваш профессор прав, — согласился Стефано, открывая саквояж. — Но фундамент — это ещё не дом. В нём нельзя жить. Хотите, я расскажу вам об Альдо Моретти?

Франческа замерла. Имя великого пианиста, ушедшего со сцены на пике славы, в Италии знали все.

— Много лет назад, — начал Стефано, извлекая настроечный ключ, — Моретти давал свой последний концерт в Риме. Я готовил для него этот самый рояль. Я провозился около пяти часов, добиваясь эталонного звучания. Маэстро подошёл, сыграл несколько тактов, а потом положил мне руку на плечо и попросил: «Стефано, сделай одолжение. Опусть струну си-бемоль во второй октаве. Оставь её чуть менее натянутой. Буквально на долю тона».

Франческа нахмурилась:

— Но зачем?!

— Я спросил его о том же, — улыбнулся старик, коснувшись клавиши. Раздался чистый, глубокий звук. — И маэстро ответил: «Потому что идеальный звук быстро надоедает. В нём нет жизни. Жизнь рождается там, где есть трещина, усилие, едва заметный изъян. Музыка живёт не в самих нотах, друг мой. Она живет в крошечном пространстве между ними. Там, где струна колеблется, сомневаясь в собственной правоте».

Стефано повернулся к девушке.

— Вы играете так, словно боитесь совершить ошибку. Но безупречность мертва. Попробуйте сыграть этот этюд снова. Но забудьте про геометрию. Ошибитесь. Позвольте звуку немного поболеть.

Франческа медленно опустила руку на банкетку. Она посмотрела на свои руки, затем на старого настройщика. В театре стояла абсолютная тишина. Она занесла руки над клавиатурой, помедлила секунду — и нажала первую клавишу.

На этот раз звук не был идеальным, но он дышал. Он был живым. Последний аккорд этюда растаял в полумраке зала, оставив после себя странное, вибрирующее эхо.

Синьор Стефано ещё долго стоял почти неподвижно, сложив руки на груди. Его взгляд был устремлён куда-то в пустоту, мимо сцены, мимо Франчески, сквозь потёртый бархат пустых театральных лож. Он словно провалился в колодец собственного прошлого.

Тогда ему был двадцать один год. Рим горел весенним солнцем, а в кармане его старого пиджака лежал билет на первый ряд филармонии. Он вспомнил, как на сцену вышла молодая девушка. На ней было простое тёмное платье, а волосы казались золотыми в свете софитов. Когда она опустила руки на клавиши о Боже, как она играла. Стефано забыл, как дышать. Это была не музыка, это было обнажённое сердце, бьющееся в деревянном корпусе рояля. В тот вечер он растворился в её игре без остатка.

После концерта он три часа стоял на углу здания филармонии. Дул резкий, прохладный ветер трамонтана. Стефано замёрз, но не уходил. И вот она вышла. В тонком шерстяном пальто, которое совсем не защищало от ветра, и в аккуратных, совершенно не подходивших для долгой ходьбы туфлях-лодочках.

Стефано, преодолевая сковывающее горло стеснение, сделал шаг навстречу.

— Извините, — голос его сорвался, и он тихо кашлянул. — Вы... вы сыграли Шопена так, словно знали, что я сижу в первом ряду.

Девушка остановилась. На её бледном лице промелькнула усталая, но тёплая улыбка.

— В первом ряду? С левой стороны? Вы весь второй ноктюрн сидели, зажмурившись. Я думала, вы уснули.

— Нет! — испуганно воскликнул он, а потом, заметив смешинки в её глазах, покраснел. — Я просто пытался удержать звук внутри. Меня зовут Стефано.

— Елена, — ответила она, протягивая руку в тонкой перчатке. — И мне очень холодно, Стефано. Если вы не предложите мне горячего каштанового супа в ближайшем кафе, я просто превращусь в ледышку прямо здесь.

Они проговорили до рассвета. Это был самый счастливый и самый короткий месяц в его жизни. Они бродили по Трастевере, делили одну порцию пиццы на двоих и говорили о музыке. Но у судьбы были свои планы. Отец Елены, суровый человек с коммерческой хваткой, принял решение эмигрировать в Америку. Для Стефано это была настоящая трагедия, но изменить он уже ничего не мог.

В день их прощания на вокзале Термини шёл мелкий дождь.

— Стефано, — тихо сказала она, прижимаясь к его мокрому плечу. — Отец говорит, что мы уезжаем навсегда. Говорит, там у меня будет будущее. Рояль «Стейнвей», концерты в Нью-Йорке.

— А здесь? — спросил он, едва удерживая слёзы.

— Здесь... Здесь останется крошечное пространство между нотами, — прошептала она, повторяя слова, которые он сам когда-то ей сказал. — Самое честное, что у нас было. Не ищи меня, Стефано. Пусть всё останется идеальным черновиком.

Она уехала. А он остался в Риме. С тех пор они больше никогда не виделись. Стефано так и не женился. Он стал настройщиком, человеком, который всю жизнь лечил чужие инструменты, пытаясь исправить изъяны в собственном разбитом сердце.

Голос Франчески вернул его в реальность.

— Синьор Стефано? — Девушка смотрела на него с тревогой. — С вами всё в порядке? Вы так побледнели. Старик встряхнул головой, прогоняя нахлынувший туман воспоминаний, и слабо улыбнулся.

— Да-да, дитя моё. Просто старые кости вспоминают старые сквозняки. Вы сыграли прекрасно. Намного лучше. Что изменилось?

Она опустила глаза на клавиатуру, перебирая пальцами невидимые клавиши.

— Я подумала о маме, — тихо призналась Франческа. Её голос задрожал. — Она тоже была профессиональной пианисткой. Очень известной в своё время за океаном. Но полгода

назад её не стало. Болезнь... Она сгорела быстро, как свеча. Сейчас, когда я играла, я вспомнила, как она сидела со мной за инструментом и всегда говорила: «Франческа, не старайся быть безупречной. Будь настоящей».

Стефано почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Дыхание перехватило, а сердце застучало тяжелее. Он посмотрел на профиль Франчески — на линию её подбородка, на то, как падал свет на её золотистые волосы. Как он не заметил этого сразу?

— Как... — Стефано с трудом сглотнул сухой комок в горле. — Как звали твою маму, дитя моё?

Ф

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.